

Л.В. Белгородская
А.В. Леопа*

СОВЕТСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: ПОТЕНЦИАЛ
ЭГО-ДОКУМЕНТОВ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-6
УДК 94:75.01(47+57) "19"

Выходные данные для цитирования:

Белгородская Л.В., Леопа А.В. Советское историческое сообщество в контексте образования и политических реалий позднесталинской эпохи: потенциал эго-документов и визуальных источников // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 72–84. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-06.pdf>

L.V. Belgorodskaya
A.V. Leopa*

THE SOVIET HISTORICAL COMMUNITY
IN THE CONTEXT OF EDUCATION AND POLITICAL
REALITIES OF THE LATE STALIN ERA: THE POTENTIAL
OF EGO DOCUMENTS AND VISUAL SOURCES

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-6

How to cite:

Belgorodskaya L.V., Leopa A.V. The Soviet Historical Community in the Context of Education and Political Realities of the Late Stalin Era: the Potential of Ego Documents and Visual Sources // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 72–84. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-06.pdf>]

Abstract. The article is devoted to identifying the features of historical education and the existence of a corporation of historians in late Stalinist Russia (1946–1953). The corpus of ego documents (memoirs, diaries, oral stories) and visual sources of the electronic resource “History of Russia in Photographs”, artistic and journalistic works were studied. Psychological features and accepted behavior patterns of teachers and students are considered. It is noted that isotests make it possible to assess behavioral and emotional behavior patterns: restraint, seriousness, modesty. Common features and specific features of the historical education of Moscow, Leningrad and peripheral students have been established. The article provides examples related to the large role of socio-political disciplines, betting on verbatim memorization of texts of classics and textbooks, taking notes on texts, following the behavioral model of the “double standard”. It was established that the metropolitan students and teachers were widely involved in the ideological campaigns of 1946–1953, and not only as a “victim”, but as active participants in the reprisals with colleagues. The features of historical education of the country’s population as a whole are highlighted.

Keywords: visual turn, 1946–1953, 1949 as a “place of memory”, teachers and students, memoirs of Soviet historians, images of Soviet students in photography.

The article has been received by the editor on 06.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Людмила Вениаминовна Белгородская, доктор исторических наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: blv.kr@yandex.ru

Lyudmila Veniaminovna Belgorodskaya, Doctor of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: blv.kr@yandex.ru

Александр Владимирович Леопа, доктор философских наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: Alleopa@mail.ru

Alexander Vladimirovich Leopa, Doctor of Philosophy, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: Alleopa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей исторического образования и бытования корпорации историков в позднесталинской России (1946–1953 гг.). Изучен корпус эго-документов (воспоминаний, дневников, устных рассказов) и визуальные источники электронного ресурса «История России в фотографиях», художественные и публицистические произведения. Рассмотрены психологические особенности и принятые модели поведения преподавателей и студентов. Отмечается, что изотексты позволяют оценить поведенческие и эмоциональные модели поведения: сдержанность, серьезность, скромность. Установлены общие черты и специфические особенности бытования и обучения московского, ленинградского и периферийного студенчества. В статье приводятся примеры, связанные с большой ролью общественно-политических дисциплин, ставкой на дословное заучивание текстов классиков и учебников, конспектирование текстов, следование поведенческой модели «двойного стандарта». Установлено, что столичное студенчество и преподаватели оказались широко вовлечены в идеологические кампании 1946–1953 гг., и не только в качестве «жертвы», но и как активные участники расправ с коллегами. Выделены черты исторического просвещения населения страны в целом, формы участия студентов и аспирантов в нем.

Ключевые слова: визуальный поворот, 1946–1953 гг., 1949 г. как «место памяти», преподаватели и студенты, воспоминания советских историков, образы советских студентов в фотографии.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024 г.

В современной научной литературе представлены работы по истории проведения послевоенных идеологических кампаний, исследованы механизмы организации репрессивных действий в научных и учебных заведениях, изучена динамика движения маховика идеологических репрессий на местах и в Центре. В ряде публикаций рассмотрены этапы и особенности развития исторического образования в позднесталинском СССР¹.

Цель настоящей статьи состоит в изучении морально-психологического состояния корпорации историков в первые послевоенные годы. Задача заключается в оценке отношений и настроений «снизу»: через восприятие студентами и преподавателями процесса образования, истории как науки, выяснение отношения к политическим акциям. Авторы также выясняют, какая роль отводилась историческому знанию в послевоенной стране, каким образом шла трансляция информации по истории, как преподаватели и студенты участвовали в идеологических кампаниях, в какой степени они были одновременно объектами и субъектами политических акций. В статье рассмотрен эмоциональный мир и визуализированные модели поведения студентов и преподавателей, которые считались в это время допустимыми и общественно одобряемыми. Рассмотрена специфика не только подготовки будущих историков, но и особенности исторического образования студентов других специальностей и населения в целом.

Для реализации задач привлечены две группы исторических источников – визуальные и письменные: эго-документы, художественные и публицистические произведения. Визуальными источниками при изучении темы стали фотографии студентов и преподавателей, размещенные в уникальной интернет-коллекции «История России в фотографиях»². В конце

¹ Урмаева К.А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России 20–90-е гг. XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2011; Виноградов Д.Е. Кампания по борьбе с космополитизмом в исторической науке (по воспоминаниям историков) // Рязановские чтения (Восьмые): мат-лы науч. конф. М., 2023. С. 225–236; Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1953). М., 2016.

² История России в фотографиях [Электронный ресурс]. URL: <https://russiainphoto.ru> (дата обращения: 15.07.2024).

XX в. в гуманитарных науках произошел так называемый «визуальный поворот» (visual turn). Исследователи осознали, что изображения подобно текстам и устным свидетельствам являются важным историческим источником.

Российские историки постепенно осознают, что для современной науки визуальное не менее информативно, чем нарративные материалы, начинают постигать визуальные тексты. Однако до сих пор мало кто из авторов пользуется возможностью изучать изобразительные источники, чаще их используют лишь для иллюстрации выводов, к которым исследователь пришел другим путем³.

Известный архивист С.О. Шмидт предложил оригинальную типологию визуальных источников, разделив их по типу и способу передачи информации. Им выделены следующие подвиды: а) художественно-изобразительные; б) изобразительно-графические; в) изобразительно-натуральные (фотографии и документальные кинокадры)⁴. Значимость последней группы источников для историков особенно велика, в данной публикации рассматривается исключительно этот вид визуальных источников.

Мы полагаем, что художественные смыслы и скрытые политические подтексты визуальных текстов открываются современному историку богаче и даже иначе, чем это замыслил современник. Как неоднократно писал и говорил Ю.М. Лотман, при восприятии письменных текстов и визуальных изображений постоянно происходит самовозрастание смыслов источников.

Термин «эго-документы» был введен в конце XX в. Так принято называть группу источников, исходящих от конкретного человека и, как правило, написанных от первого лица. Самые распространенные виды эго-документов, изучаемые специалистами, – это дневники и письма. Кроме того, к числу таких источников относят записные книжки, мемуары и автобиографии.

Для понимания исторического контекста и психологии людей послевоенного времени изучены письменные и устные воспоминания отечественных ученых-историков, которые были преподавателями или студентами/аспирантами исторических факультетов. Привлечены воспоминания Д.С. Лихачёва, В.П. Смирнова, Р.Ш. Ганелина, А.М. Некрича, С.О. Шмидта. В 2023 г. в свет вышли двухтомные «Дневники историка С.С. Дмитриева за 1941–1991», еще не ставшие предметом исследования. Рассмотрены опубликованные записи студента-архивиста В.В. Цаплина. Основная ценность доступных дневников кроется в том, что долгие годы они были эмоциональным и политическим убежищем для историков.

Послевоенные годы – важный этап внутреннего развития страны. Первые послевоенные годы были исключительно сложными для внутреннего развития страны. Продолжались политические репрессии, в чем-то их масштаб превосходил размах репрессий в годы Большого террора. 1949 год был особенно важным годом в позднесталинской истории СССР. Это год похолодания международной обстановки, год оформления НАТО, создания ядерного оружия в СССР. Рассматривая общественно-политические настроения в университетах и институтах, нельзя не сказать об идеологических кампаниях послевоенных лет: борьбе с аполитичностью, формализмом, низкопоклонством перед Западом, космополитизмом. Трудное положение сложилось для исторической науки и системы профессионального и базового исторического образования в целом.

В августе 1949 г. были арестованы бывшие руководители Ленинградского обкома и горкома партии, позднее арестован бывший председатель Госплана Н.А. Вознесенский. По «Ленинградскому делу» было осуждено 214 человек. Оно имело тяжелые последствия для развития Ленинградского университета, ректором которого был его старший брат А.А. Вознесенский. Ударом по историческому факультету стало исключение из партии, отстранение от руководства любимого студентами и уважаемого коллегами декана В.В. Мавродина.

³ Бёрк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю. М., 2023. С. 8–9.

⁴ Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению. М., 1997. С. 21.

Будущий академик Д.С. Лихачёв работал в эти годы на историческом факультете Ленинградского университета. Ученый вспоминал, что популярными в это время были постоянные «проработки» преподавателей. На показательных собраниях жертв доводили до такого состояния, что они готовы были признать любые мнимые провинности. Делалось все, чтобы на процессах выступали близкие люди: коллеги, студенты, аспиранты, что было больнее всего для прорабатываемого. Если жертва не признавала себя космополитом (формалистом и т.д.), его характеризовали противником линии партии. Выступив в защиту жертв проработок, Дмитрий Сергеевич почувствовал изменение отношения к себе. На каждом заседании кафедры истории СССР его критиковали. Администрация университета быстро перевела члена-корреспондента АН СССР на ставку ассистента, а потом и вовсе вынудила уволиться⁵.

Член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин учился на историческом факультете Ленинградского университета с 1945 по 1949 г. Подчеркнем, что пятилетнее обучение на истфаках восстановлено решением СМ СССР в послевоенном 1946 г. В опубликованных воспоминаниях, устных выступлениях перед коллегами в начале двухтысячных, в личных разговорах с одним из авторов этих строк (он был научным консультантом Л.В. Белгородской при подготовке докторской диссертации в 2005–2009 гг.) историк рассказывал о сложной политической и нравственной атмосфере в университете для студентов и преподавателей. Весной 1949 г. была проведена антикосмополитическая конференция на историческом факультете ЛГУ, незабываемая для всех, кто на ней присутствовал. «Почти каждый из наших учителей должен был выступить с признанием собственных антипатриотических или иных методологических ошибок или с обличением в таковых коллег...»⁶. Вспоминать об этом, говорил ученый в личном разговоре, было всегда больно и неприятно.

В ЛГУ чудом состоялась защита кандидатской диссертации Л.Н. Гумилёва. Р.Ш. Ганелин, присутствовавший на защите Льва Николаевича, по памяти привел характеристику диссертанта, в то время работавшего библиотекарем больницы для душевнобольных на Васильевском острове: «Дана Гумилёву Льву Николаевичу в том, что он работает в психиатрической больнице им. Белинского. К книжному фонду относится бережно. Пользуется заслуженным авторитетом среди персонала и больных». Вскоре после защиты кандидата наук вновь отправили в лагерь.

Студенты должны были вести себя крайне осторожно, поскольку любая вольность могла иметь серьезные последствия. Во время выступления декана истфака ЛГУ Н.А. Корнатовского перед студентами в президиум была отправлена неподписанная записка, иронически оценивающая идеологические опасности момента словом «чепуха». Дадим слово историку: «Трудно передать, что тут произошло. Н.Я. Иванов кричал из президиума, что автор записки будет установлен с помощью органов МГБ. Началась самодеятельная графологическая экспертиза... всем было предложено предъявить для сопоставления конспекты и прочие рукописи». Доморощенная экспертиза не дала результата. «Тогда решено было под контролем тут же созданной комиссии проследить весь путь записки в обратном направлении». Студент М. Чигринский, отводя угрозу от коллег, признался в авторстве. К счастью, наказание было не слишком серьезным⁷. Преподаватель Н.Я. Иванов был известен студентам и преподавателям своим умением советовать идеологически правильные темы исследований и «точностью» марксистско-ленинской методологии периодизации исторических курсов. Например, ему принадлежит следующая идейно выдержанная тема исследования – «Физкультура и спорт в период столыпинской реакции и нового революционного подъема»⁸.

⁵ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. Статьи и заметки. СПб., 2023. С. 378–388.

⁶ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2004. С. 68–69.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Там же. С. 75.

В Ленинграде оперативно открыли институт подготовки преподавателей для быстрого обновления преподавательского состава историков. В тот же год создан Институт повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ (ИПК МГУ)⁹.

В Московском университете ситуация была не менее накаленной, чем в Ленинградском. Еще в 1947 г. Совет МГУ принял решение «О патриотическом долге ученых», в котором отмечено, что «в трудах отдельных ученых МГУ проявлялись элементы низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой, недооценка достижений науки и культуры народов Советского Союза, игнорирование роли отечественных ученых в развитии мировой науки»¹⁰.

В течение трех дней (25, 26 и 28 марта 1949 г.) проходило заседание ученого совета исторического факультета, посвященное вопросу о борьбе с буржуазным космополитизмом в советской исторической науке. С докладом на эту тему выступил декан исторического факультета проф. Г.А. Новицкий. В дискуссии приняли участие 25 человек. В отчете о заседании ученого совета МГУ сообщалось, что «в прениях были подвергнуты суровой критике ошибки космополитического характера группы историков кафедры истории СССР (проф. Разгон и др.) во главе с акад. И.И. Минцем, а также вскрыты космополитические ошибки профессоров Зубока и Звавича на кафедре новой истории Запада». Ряд из них был освобожден от работы. Аспирантка академика А.Л. Нарочницкого обвинила американиста Л.И. Зубока в том, что он «агент американского империализма». В президиум заседания массово поступали многочисленные записки от студентов с выражением горячей поддержки критиков преподавателя¹¹. В итоге от работы на кафедре освобождены академик И.И. Минц и четыре профессора.

Особую остроту ситуации придавало то обстоятельство, что дочь Сталина – Светлана Аллилуева – была студенткой исторического факультета, специализировалась по США у Зубока. Присутствовавшие на защите ее дипломной работы отмечали уверенность студентки, маленький объем сочинения и широкое использование студенткой материалов справки «Фальсификаторы истории», подготовленных по рекомендации И.В. Сталина¹². Преподаватели МГУ передавали из поколения в поколение фразу Светланы, адресованную некоему испуганному преподавателю истории в университете: «А папа думает иначе». Эта информация может быть и плодом студенческого фольклора, но ясно, что жесткий внутренний цензор всегда контролировал поведение преподавателей.

В изученной коллекции фотографий хранятся коллективные снимки студентов истфака Пензенского педагогического института 1947–1948 гг. и истфака Иркутского пединститута 1949–1950 гг. На пензенском снимке девушек в два раза больше, чем юношей (20 против 11), на другом снимке девушек больше уже в три раза (29 против 10). Все выглядят взрослыми, выражение лиц строгое, серьезное. На одном из снимков все сидящие в первом ряду находятся в напряженных позах, сжав ладони рук на коленях, одна девушка обхватила себя руками, как бы закрываясь от угроз внешнего мира. Все одеты скромно, один из студентов Пензы – в военной форме с медалью и орденом на груди. Иркутский снимок историков 1949 г. сделан на фоне огромного портрета И.В. Сталина в полный рост (рис. 1). Примечательно, что снимок следующего года той же группы студентов в том же месте сделан так, что портрет вождя практически не вошел в кадр. Сложно предположить, что это сделано умышленно, но это примечательный факт, учитывая дальнейшее развитие политической ситуации в стране. Фотограф невольно, а может и умышленно уменьшил значимость визуальной фигуры лидера страны. Личная фотография студента Л. Гохмана 1948 г. (в будущем он стал преподавателем ЛГУ) представляет визуальный образ молодого человека, не связанного жесткими рамками позирования для коллективных снимков (рис. 2).

⁹ Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. М., 1965. Ч. 1. С. 345.

¹⁰ Московский университет. 1947. 29 сент.

¹¹ Некрич А.М. Отрекшись от страха. Воспоминания историка. London, 1979. С. 53, 55.

¹² Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 136.

Рис. 1. Первый курс Исторического факультета Иркутского пединститута, 1948 г.

Рис. 2. Студент истфака Ленинградского университета И. Гохман, 1948 г.

В вузах тех лет большая роль отводилась стенной печати: только в МГУ постоянно выпускалось 90 стенгазет. Некоторые выходили под лозунгом «До конца искореним формализм». Корреспондентов стенгазет, как вспоминали выпускники университетов, обязательно отправляли на все преподавательские проработки. В МГУ газета «Историк-марксист» висела рядом с актовым залом, большинство публикаций носило политизированный характер. Например, один доцент прославился тем, что писал в стенгазету о личных впечатлениях после прочтения каждого из томов 4-го издания сочинений В.И. Ленина. В 1949 г. первое место в МГУ заняла стенгазета философского факультета с говорящим названием «За ленинский стиль»¹³.

С.О. Шмидт, окончивший исторический факультет МГУ в 1944 г., сразу же поступивший в аспирантуру и успешно защитивший диссертацию в 1949 г., вспоминал, что аспиранты старались свои истинные мысли о задачах истории и историческом знании открыто

¹³ Лихачёв Д.С. Мысли о жизни... С. 379–380; Дмитриев С.С. Дневники: в 4 т. СПб., 2023. Т. 1: 1941–1960. С. 174; Московский университет. 1948. 8 мая.

не высказывать. «Публично об этом тогда не принято было говорить и обязаны были придерживаться “единственно верных” формулировок четырех классиков марксизма-ленинизма, особенно здравствующего четвертого классика»¹⁴. Оценим нелогичность официального призыва к историкам: «...Рассуждать “по-партийному, субъективно, но будучи в то же время глубоко объективными, поскольку наше субъективное отвечает научному существу дела”»¹⁵.

Студент Историко-архивного института В.В. Цаплин не поступил в аспирантуру, поскольку пересдавал на отличную оценку экзамен по основам марксизма-ленинизма. Фронтовику, обучающемуся в вузе под контролем НКВД, постоянно чистившему свой личный архив, хватило мужества сохранить записи, сделанные в 1949 г.: «Я на все хочу иметь собственное мнение и мыслить своими мозгами...», «Интересно, когда прекратится поток излияний верноподданнических чувств “дорогому и любимому И.В.С.” <...>. Читать противно»¹⁶.

На рубеже 1940–1950-х гг. прием в аспирантуру производился по анкетным данным, так как преподаватели общественных наук должны были утверждаться партийными органами. С.С. Дмитриев вспоминал, что его ученику, блестящему выпускнику истфака МГУ, не светило место в аспирантуре, поскольку его отец был репрессирован¹⁷.

Аспирантов Ленинградского университета постоянно привлекали к чисткам факультетской библиотеки. На книгах стоял старый штамп «Библиотека ЛГУ им. А.С. Бубнова», бывший министр просвещения был расстрелян еще в годы Большого террора, его фамилию надо было «погасить» специальной печатью. Некоторые книги и вовсе изымались из фондов библиотеки. Для чтения библиотечной литературы специального хранения требовался допуск к секретной работе. Процедура несколько упростилась только в 1952 г.¹⁸

Один из авторов данной статьи в бытность аспиранткой ЛГУ работала в позднесоветские 1980-е гг. в спецхране Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Записи тщательно проверялись сотрудницей зала спецхранения, многое использовать в будущих публикациях не разрешалось. Отдельные издания в этом отделе были испещрены читательскими пометами красным или синим карандашом «Чушь!», «Фальсификация», «Бред».

Директор Института российской истории в 1993–2010 гг., в прошлом студент МГУ, А.Н. Сахаров вспоминал: «Сегодня почему-то считается, что ответственность за все... несли лишь руководящие партийные и государственные структуры. Однако это не совсем так. С восторгом в этих кампаниях, в нагнетании этой атмосферы участвовали миллионы людей, а у нас на истфаке – десятки студентов, аспирантов, преподавателей, которые делали борьбу за идеологическую чистоту своим призванием, морально уничтожали всех, кто попадался на крючок подозрения. Заодно в этом мутном потоке многие комсомольские и партийные вожаки, весьма посредственные в науке и на экзаменах, ловили рыбку – ковали карьеру, добивались положительных характеристик, рекомендаций в аспирантуру, благоприятных распределений на работу, оттесняли своих конкурентов по учебе, по жизни»¹⁹.

Сложная ситуация с кадровыми чистками сложилась в конце 1940-х гг. в сибирских вузах. Исторический факультет открылся в Красноярском пединституте только в 1942 г. Среди его первых выпускников был в будущем известный историк Д. Волкогонов. Остро не хватало квалифицированных специалистов, но в 1950 г. Красноярский крайком партии по собственной инициативе направил в ЦК ВКП(б) служебную записку «О крупных недо-

¹⁴ Музеемания [Электронный ресурс] // Сигурд Оттович Шмидт. Автобиография. URL: <https://muzeemania.ru/2021/04/16/sigurd-shmidt/?ysclid=m66d2ata3l592870659> (дата обращения: 25.12.2023).

¹⁵ Шарова Л.В. Историк Средневековой Англии в Советской России: Компромиссы академика Е.А. Косминского // Одиссей. 2003. С. 284–285.

¹⁶ Черешня А.Г. «...Сознательно определил свою профессию...». Дневник архивиста В.В. Цаплина // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 87.

¹⁷ Дмитриев С.С. Дневники... С. 184.

¹⁸ Ганелин Р.Ш. Советские историки... С. 81.

¹⁹ Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 910.

статках в работе Красноярского государственного педагогического института». Политические ошибки в преподавании и «засорение» преподавательского состава лицами, не внушающими доверия, стоили ректору вуза потери должности. Новый ректор В.Ф. Голосов и руководитель учебной части – будущий академик Л.В. Киренский – подверглись жесткой критике за защиту опальных преподавателей и студентов²⁰.

С.С. Дмитриев передал сложное душевное состояние современников страхом перед новой войной и волной послевоенных репрессий. Историк писал в дневнике: «Людьми все больше овладевает чувство неуверенности во всем; имею в виду людей интеллигентных занятий. Все ценности продолжают переоцениваться, все смещается и сдвигается, грозя оставить пустое место в итоге такого хаотического мыслетрясения и людетрясения»²¹.

На фотографиях этого времени один из самых популярных сюжетов – образы студентов, тщательно конспектирующих книги (рис. 3). В воспоминаниях заслуженного профессора МГУ В.П. Смирнова подчеркивается, что преподаватели истории, марксизма-ленинизма и социально-экономических дисциплин более всего ценили подробные конспекты и знание работ классиков марксизма-ленинизма и решений партии. Особенно важным считалось знание цитат и умение воспроизводить их близко к тексту. Автор пишет, что перед экзаменом студенты задавали друг другу проверочные вопросы, на которые надо было ответить точно словами из «Краткого курса», «Основ ленинизма». «Куда ушел Плеханов? Ушел в кусты, отписавшись парой незначительных статей фельетонно-критического характера»²². В студенческих работах больше всего ценили удачные цитаты. Оценки по политическим и социально-экономическим дисциплинам считались самыми важными. На снимке, сделанном в кабинете марксизма-ленинизма Всесоюзного института кинематографии, за столами нет свободных мест, все студенты тщательно оформляют конспекты. Девушка на первом плане фото внимательно читает советский политический журнал «Новое время», вышедший с 1943 г. И хотя фотография откровенно постановочная (сделана целая серия снимков в кабинете), письменные источники подтверждают, что практика подготовки к занятиям через постоянное конспектирование рекомендованных работ отражала реалии образования послевоенных лет.

Рис. 3. Всесоюзный государственный институт кинематографии. Кабинет марксизма-ленинизма

Знаменитый в будущем писатель Юрий Трифонов написал в 1949 г. в качестве дипломного сочинения повесть «Студенты», получив за нее Сталинскую премию. В изученном корпусе фотографий находятся снимки, сделанные во время представления пьесы по назван-

²⁰ Генина Е.С. Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949–1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 40.

²¹ Дмитриев С.С. Дневники... С. 169.

²² Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина...

ному произведению в театре им. Ермоловой (1952 г.) (рис. 4). Актеры, играющие студентов, на фото вышколены, носят ученические портфели, горячо осуждают ошибки преподавателей. Например, профессор Козельский (фамилии у юного писателя говорящие, положительного героя автор назвал Беловым) «спрашивал придирчиво». Сцену украшают репродукции «правильных» картин И.Е. Репина (например, работа «Не ждали»), фотографии М. Горького, В.И. Ленина. Кабинеты ученых заполнены полками книг, большинство из которых – многотомные собрания сочинений классиков. Главная форма учебной подготовки студентов по тексту пьесы – конспектирование работ классиков и написание рефератов. Герой пьесы Вадим планирует на вечер конспектирование «одной-двух глав Маркса», «занятия в читальне»²³. Многие герои романа А.И. Солженицына «В круге первом» тоже постоянно конспектируют классиков. Лейтенант Тюкин, например, точно знал, что на политзанятии «главное было не ответить, а представить конспект»²⁴.

Рис. 4. Спектакль по повести Ю. Трифонова «Студенты», 1952 г.

В послевоенные годы во всех вузах СССР обязательно изучался курс «Основы марксизма-ленинизма», который только в 1956 г. сменился дисциплиной «История партии». В воспоминаниях выпускника МГУ В.В. Познера есть строки о критическом отношении студентов-биологов к историкам, преподававшим основы марксизма-ленинизма. Человеку, прошедшему «западную» школу обучения и жизни, представлялись особенно омерзительными такие черты преподавателей, как «тупость, догматизм, агрессивная безграмотность, ограниченность мышления, а также страх, если не сказать ужас перед независимыми суждениями». «Сомневаться в чем-либо, что было сказано в учебнике “Краткий курс истории ВКП(б)”, – ересь, не соглашаться – смертный грех»²⁵.

Но, откровенно говоря, студенты, прошедшие советскую школу, чаще всего политически прозревали только после 1956 г. Литературный герой романа выпускника МГУ А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» студент главного университета страны Толя Филин близко к тексту знал «Краткий курс». В его экземпляре чернилами была подчеркнута почти каждая строка. Автор иронично замечает, что проще было подчеркивать неважное – меньше работы. После чтения доклада Н.С. Хрущева на XX съезде Филин «долго мрачно курил у окна, потом лег и закрылся одеялом с головой»²⁶.

Система исторического и политического просвещения в СССР включала в себя все группы населения независимо от возраста и уровня образования. Понедельник был по всему Советскому Союзу днем политучебы. В этот день школьники старших классов, домохозяйки,

²³ Трифонов Ю.В. Студенты. М., 1951.

²⁴ Солженицын А.И. В круге первом. М., 1990. С. 12.

²⁵ Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М., 2020. С. 152–153.

²⁶ Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М., 2022. С. 386.

пенсионеры с шести до восьми часов садились за парты и разворачивали конспекты, написанные в воскресенье. Прочитаем строки романа А.И. Солженицына «В круге первом», действие которого происходит в печально знаменитом 1949 г. «Историю партии Нового Типа прорабатывали очень углубленно. Каждый год, начиная с 1 октября, изучали ошибки народных, ошибки Плеханова и борьбу Ленина-Сталина с экономизмом, легальным марксизмом, оппортунизмом, хвостизмом, ревизионизмом, анархизмом, отзовизмом, ликвидаторством, богоискательством и интеллигентской бесхребетностью... Так шло повсюду каждый год и за годом год». «...На политучебе спрашивали “почему на втором съезде надо было размежеваться, и это правильно, на пятом объединиться, и это снова правильно, а с шестого съезда опять всяк себе, и это опять-таки правильно”»²⁷. Так что читающие и конспектирующие студенты на фотографиях могли готовиться не только к учебным, а и к так называемым политзанятиям или к выступлениям «перед трудящимися».

Рис. 5. Первый курс исторического отделения Учительского института. Пенза, 1947–1948 гг.

Главной формой общественной работы аспирантов, как писал в автобиографии историк С.О. Шмидт, были устные лекции и беседы на исторические темы. «Это были встречи с аудиторией разного возраста, разной степени образованности – в вузах, художественных училищах, научных институтах, на заводах, на профсобраниях работников сферы бытового обслуживания»²⁸. Авторская ремарка об устном характере выступлений ценна для нас, поскольку, опасаясь ошибок и оговорок, внимания контролирующих органов, ряд лекторов механически читал заранее подготовленный письменный текст. Преподаватели внушали с первого курса, что студенты-историки – это прежде всего бойцы идеологического фронта.

Отец доктора филологических наук А. Чудакова, выпускник истфака МГУ, преподавал в школе и техникуме города Щучинска. Обязательной общественной нагрузкой было чтение публичных лекций. Чаще они не оплачивались, но бывало, что гонорар выдавали «мукой, горохом, наволочками, гвоздями, повидлом», посудой. Узкой специализации не было, вспоминал сын, читал отец о баснописце И. Крылове, Олимпийских играх 1952 г., А.В. Суворове, Ф.Ф. Ушакове. Прочитав лекцию по работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», от старшины-казаха историк услышал хвалебный отзыв: «Атдельные слова понимаем»²⁹.

1949 год принес историкам и невольную защиту. С одной стороны, это год 70-летия И.В. Сталина, когда вся страна готовилась к важному событию и все было пронизано жела-

²⁷ Солженицын А.И. В круге первом... С. 12, 509.

²⁸ Музеумания [Электронный ресурс] // Сигурд Оттович Шмидт. Автобиография. URL: <https://muzeumania.ru/2021/04/16/sigurd-shmidt/?ysclid=m66d2ata31592870659> (дата обращения: 25.12.2023).

²⁹ Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени... С. 482–483.

нием показать успехи в социалистическом строительстве под руководством лидера партии. Событие требовало участия историков в прославлении вождя.

К тому же в стране широко праздновалось 225-летие учреждения Академии наук. Академик С.И. Вавилов в Ленинграде на юбилейной сессии Общего собрания и отделения наук СССР призвал «восстановить историческую правду, показать историческое высокое место отечественной науки в мировой культуре»³⁰. Историки понадобились для прославления достижений отечественной науки. А.И. Солженицын хорошо описал в романе страдания аспиранток главного университета страны, убиравших из рукописей ссылки на иностранцев. В дневниках историка Дмитриева есть записи о неприятностях у коллег – сотрудников Исторического музея. Им ставили в вину присутствие в экспозиции экспонатов, связанных с непрогрессивными деятелями. В экспозиции главного музея могут быть только портреты прогрессивных деятелей, о прочих же пусть историки пишут в книгах для специалистов. «Общий грех, приписываемый руководству Музея: буржуазный объективизм в музейной экспозиции... Музейцы начали перестраиваться, срочно убирают портреты (между прочим из темы “Северная война” сняли портрет Карла XII)». Примечательно, что и пятнадцатилетие восстановления исторических факультетов в 1934 г., которое отмечалось корпорацией историков, было омрачено политической ситуацией. Даже банкетирование преподавателей МГУ по этому поводу в знаменитом ресторане «Москва» прошло, по словам С.С. Дмитриева, «шумно и невесело»³¹.

Таким образом, рассмотренные источники личного происхождения и фотографии дают материал для понимания нравственно-психологического состояния преподавательского корпуса и студенчества в послевоенные годы. Острое желание учиться, быть успешным в профессии соединялось с необходимостью изучать идеологизированные материалы, ссылаться на оценки классиков марксизма-ленинизма; учебная деятельность была больше направлена на запоминание, а не на размышление. Мастерство студентов часто сводилось к конспектированию текстов, а не к оценке убедительности и аргументированности тезисов авторов.

Эмоциональный мир и модели поведения студентов и преподавателей, которые считались допустимыми и общественно одобряемыми в рассмотренной группе источников, – скромность, сдержанность, послушание, единомыслие, серьезность. Публичные поведенческие модели состояли в следовании предписанным правилам и стандартам поведения будущих идеологических работников.

Московское и ленинградское студенчество оказалось массово вовлеченным в послевоенные идеологические кампании, и не только в качестве «жертвы», но и как активный участник идеологических расправ.

Корпус визуальных источников ресурса «История России в фотографиях» по теме «Историки России» сейчас не слишком богат, он может быть существенно пополнен за счет фотографий из личных коллекций историков, университетских и региональных архивов страны.

Литература

Бёрк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю. М.: Эксмо, 2023. 368 с.

Виноградов Д.Е. Кампания по борьбе с космополитизмом в исторической науке (по воспоминаниям историков) // Рязановские чтения (Восьмые): мат-лы науч. конф. М., 2023. С. 225–236.

Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2004. 216 с.

Генина Е.С. Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949–1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 38–45.

Дмитриев С.С. Дневники: в 4 т. СПб.: Алетейя, 2023. Т. 1. 1941–1960. 1378 с.

³⁰ Некрич А.М. Отрекшись от страха... С. 48.

³¹ Дмитриев С.С. Дневники... С. 193.

Лихачёв Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром. Статьи и заметки. СПб.: Азбука; Азбука-Аттиус, 2023. 704 с.

Некрич А.М. Отрекшись от страха. Воспоминания историка. London: Overseas publications Interchange Ltd., 1979. 417 с.

Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: АСТ, 2020. 480 с.

Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М.: РАН, 2004. 956 с.

Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М.: Новый хронограф, 2011. 504 с.

Солженицын А.И. В круге первом: роман. М.: Кн. палата, 1990. 592 с.

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1953). М.; СПб., 2016. 424 с.

Трифонов Ю.В. Студенты. М., 1951. 431 с.

Ушмаева К.А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России 20-90-е гг. XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2011. 51 с.

Черешня А.Г. «...Сознательно определил свою профессию...». Дневник архивиста В.В. Цаплина // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 83–112.

Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М.: Эксмо, 2022. 640 с.

Шарова Л.В. Историк Средневековой Англии в Советской России: Компромиссы академика Е.А. Косминского // Одиссей. Человек в истории. 2003. С. 256–296.

Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.

References

Byork, P. (2023). *Vzglyad istorika: kak fotografii i izobrazheniya sozdayut istoriyu* [The Historian's View: How Photographs and Images Make History]. Moscow, Eksmo. 368 p.

Chereshnya, A.G. (2019). "Ya na vse hochu imet' sobstvennoe mnenie...". *Dnevnik arkhivista V.V. Tsaplina* ["I Want to Have My Own Opinion on Everything...". Diary of Archivist V.V. Tsaplin]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 6, pp. 83–112.

Chudakov, A.P. (2022). *Lozhitsya mгла na starye stupeni* [The Fog Falls on the Old Steps]. Moscow. 640 p.

Dmitriev, S.S. (2023). *Dnevniki: v 4 t. T. 1: 1941–1960* [Diaries: in 4 vol.]. Vol. 1: 1941–1960. 1378 p.

Ganelin, R.Sh. (2004). *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhd u soboy. Stranitsy vospominaniy o 1940-x – 1970-x godakh* [Soviet Historians: What they Talked about Among Themselves. Pages of Memoirs about the 1940s–1970s]. St. Petersburg. 216 p.

Genina, E.S. (2008). *Nastuplenie na nauchno-pedagogicheskuyu intelligentsiyu Sibiri v period bor'by s kosmopolitizmom (1949–1953 gg.)* [The Attack on the Scientific and Pedagogical Intelligentsia of Siberia during the Fight against Cosmopolitanism (1949–1953)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–5 (60), pp. 38–45.

Likhachev, D.S. (2023). *Mysli o zhizni. Pis'ma o dobrom. Stat'i i zametki* [Thoughts about Life. Letters about the Good. Articles and Notes]. St. Petersburg. 704 p.

Nekrich, A. (1979). *Otrekshis' ot strakha. Vospominaniya istorika* [Renounced Fear. Memories of a Historian]. London. 417 p.

Pozner, V.V. (2020). *Proshchanie s illyuziyami* [Farewell to Illusions]. Moscow. 480 p.

Sacharov, A.N. (2004). *Rossiya: Narod. Praviteli. Tsivilizatsiya* [Russia: People. Rulers. Civilization]. Moscow. 956 p.

Sharova L.V. (2003). *Istoriik Srednevekovoy Anglii v Sovetskoy Rossii: Kompromissy akademika E.A. Kosminskogo* [Historian of Medieval England in Soviet Russia: Compromises of Academician E.A. Kosminsky]. In *Odyssey. Chelovek v istorii*, pp. 256–296.

Shmidt, S.O. (1997). *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu* [The Historian's Path: Selected Works on Source Studies]. Moscow. 612 p.

Smirnov, V.P. (2011). *Ot Stalina do El'tsina: avtoportret na fone epokhi* [From Stalin to Yeltsin: A Self-Portrait against the Backdrop of the Era]. Moscow. 504 p.

Solzhenitsyn, A.I. (1990). *V krughe pervom* [In the First Circle]. Moscow. 592 p.

Tihonov, V.V. (2016). *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (ser. 1940-kh – 1953)* [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (1940s–1953)]. Moscow, St. Petersburg. 424 p.

Trifonov, Yu.V. (1951). *Studenty* [Students]. Moscow. 431 p.

Ushmaeva, K.A. (2011). *Osnovnye etapy i osobennosti razvitiya istoricheskogo obrazovaniya v vuzakh Rossii 20–90-e gg. XX veka* [The Main Stages and Features of the Development of Historical Education in Universities of Russia in the 1920s–1990s], Cand. hist. sci. diss. abstract. Pyatigorsk. 51 p.

Vinogradov, D.E. (2023). Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v istoricheskoy nauke (po vospominaniyam istorikov) [The Campaign to Combat Cosmopolitanism in Historical Science (Based on the Memories of Historians)]. In *Ryazanovskie chteniya (Vos'mye). Materialy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 225–236.